

Серия «Неизданный Пушкин»

Из подготовительных материалов
к новому академическому Полному собранию
сочинений А. С. Пушкина

ВЫПУСК ВТОРОЙ

А. В. Дубровский, Т. И. Краснобородько,
Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев

Творческие и биографические пометы
в рукописях А. С. Пушкина

Санкт-Петербург
Издательство «Нотабене»
1997

ББК 84(0)5 Т28
ISBN 5-87170-054-3
ISBN 5-87170-045-4 (выпуск второй)

Составитель серии
С. А. Фомичев

Художник
А. Ю. Кобяк

Редактор
Л. А. Карпова

© Издательство «Нотабене», 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже первый исследователь рукописей поэта П. В. Анненков обратил внимание на ряд «пометок», вторгающихся в черновики его произведений, и с тех пор каждое новое обращение к автографам Пушкина, как правило, сопровождалось не только прочтением новых строк, но и более или менее удачными попытками осмыслить сопутствующие им «числа, имена да буквы, тайны письма». Часть (малая часть) таких помет собрана и проанализирована в книге «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» (далее — РП),¹ где имеются разделы «Мелкие записи, заметки, пометы, подсчеты» (107 номеров) и «Приходно-расходные записи» (25 номеров).

Пушкинская помета — неотъемлемая часть пушкинской рукописи и должна анализироваться в общем ее контексте. Эту мысль выразительно иллюстрирует Р. Е. Теребенина следующим примером: «В рабочей тетради (альбоме) Пушкина 1828—1833 гг. на л. 15об. находится черновик стихотворения "Ты и вы". Под концом его дата: "23 мая"; у первых стихов сбоку справа помета: "20 мая 1828 При" <...>».

«При» — это начало названия усадьбы Олениных «Приютино». Если напечатать эту помету как дневниковую запись, то, кроме факта пребывания поэта в этот день в усадьбе, мы ничего из нее не извлечем. Если же мы укажем ее местоположение, то помета заиграет, ибо станет понятным, что, очевидно, именно во время этого посещения Анна Алексеевна и сказала Пушкину «ты», а он уже 23 мая «написал по этому случаю стихотворение»².

«При» — вовсе не шифр, а обычная для творческой манеры Пушкина сокращенная запись, вполне понятная ему.

Привычка Пушкина работать преимущественно не на отдельных листках, а в черновых тетрадах, сменяя один замысел другим, придает особое значение его пометам, которые подчас позволяют проследить логику зарождения новых замыслов.

Так, в тетради ПД 838 на л. 17об. мы находим регистрацию дошедшей до поэта вести о смерти Арины Родионовны: «Няня =». Анализируя историю заполнения этой тетради, В.Б.Сандомирская справедливо замечает: «По-видимому, воспоминаниями об Арине Родионовне вызван замысел сказки в стихах ("Сказка о царе Салтане...") — первые четырнадцать стихов и программа продолжения, записанные (в прямом направлении) на л. 16об.—17, пропущенных ранее. Это сказка в числе нескольких других была записана Пушкиным со слов Арины Родионовны в Михайловском <...>. Начало этой работы, законченной лишь в 1831 г., и представляет запись на л. 16об.—17. По положению в тетради она датируется июнем—июлем 1828 г.»

Уже приведенные примеры показывают, насколько важен учет всех пушкинских помет в творческих рукописях и их всесторонний анализ.

Задача эта, намеченная, но не осуществленная в ходе подготовки первого советского Большого академического издания Полного собрания сочинений Пушкина (1937—1949), остается актуальной по сию пору.

Помета в творческих рукописях Пушкина — это концентрированный пушкинский текст, хранящий подчас уникальную информацию, которую мы, должны научиться читать по-пушкински. Для этого необходимо понять основные приемы пушкинской скорописи и в каждом конкретном случае — цель ее.

Следует иметь в виду, что пометы в рукописях Пушкина возникали, как правило, спонтанно, в момент отвлечения от работы над рукописью и представляли собой некие боковые ходы мысли. В этом отношении они подобны пушкинским графическим эскизам, которые могли быть не только рисунками, но и мимолетной штриховкой, а иногда и каллиграфическими опытами. Так, в рабочей тетради ПД 838 на л. 77, закончив черновик седьмой главы «Евгения Онегина» (гусиным пером), Пушкин пробует перо стальное — выводит каллиграфически:

ТОШНО Так —

а ниже пробует, каково оно в скорописи, быстро записывая:

Аминь —

и делает сложный росчерк.

О том, что эти слова, возможно, не случайны, свидетельствует автопортрет на смежной странице тетради, где лицо поэта застыло в гримасе тоскливого недоумения, — рядом со строфой:

Так мысль ее далече бродит
Забыв и свет и шумный бал
А глаз меж тем не сводит
Какой-то старый генерал —
Друг с другом тетушки мигнули
И обе девушку толкнули
И каждая шепнула ей —
Взгляни налево поскорей
Налево, где же, что такое
Ну, что бы ни было, гляди —
Пред этой самой — впереди —
Там где стоят в мундирах двое —
Вот отошел, вот боком стал,
Кто, старый этот Генерал

В этой связи уместно вспомнить, как, по позднешему свидетельству автора, удивила его Татьяна, выйдя замуж. Как неприятно поразила — можем мы судить по невольному вырвавшемуся каллиграфическому эскизу!

Все пометы Пушкина можно функционально разделить на два больших класса: на творческие и биографические, — хотя граница между теми и другими иногда представляется достаточно зыбкой, так как творчество питается обычно реальными жизненными впечатлениями.

Рукописи Пушкина принято называть стенограммой творческого процесса. При этом он пользовался при работе над текстами условными буквенными и цифровыми знаками, обозначающими необходимые перемещения записанных строк. Подчас сюжетные ходы намечались не в виде плана, а цифровыми подсчетами. К творческим пометам условно можно причислить и фрагменты текста, которые остались на оборванных страницах (например, на корешках вырванных из рабочих тетрадей листов) или же возникли по ходу работы над другим произведением — впрок.

В тексте далее мы даем конкретные примеры каждого из указанных видов творческих помет. Толкование цифровой записи, имеющей отношение к сюжету «Бориса Годунова», принадлежит Т. И. Краснобородько, все остальные заметки — редактору серии (в ряде случаев в них учтены уточнения, предложенные Т. И. Краснобородько).

Тексты Пушкина цитируются по Большому академическому изданию Полного собрания сочинений (1937—1949).

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935 (ниже ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: РП, номер страницы).

² Терехина Р. Е. Пометы Пушкина на рукописях // Временник Пушкинской комиссии (далее — ВПК). 1977. Л., 1980. С. 99.

ТВОРЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ

1. Буквенные пометы в списке стихотворения «Месяц»

Начало (первые сорок два листа) Лицейской тетради Пушкина (ПД 829) заняты списками его ранних стихотворений, переписанных по большей части товарищами по Лицею. Впоследствии Пушкин неоднократно обращался к правке этих текстов.

На л. 10об. Н. А. Корсаков переписал с недошедшего до нас автографа стихотворение «Месяц». Очевидно, намечая еще в конце 1810-х годов издание своих стихотворений, Пушкин пометил на этой странице: «Надо», перед заглавием поставил порядковый номер — «9» и сделал тогда же два небольших исправления текста (от первого из них он сразу же отказался). Особое внимание Пушкина привлекли следующие строки стихотворения:

Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назад?

В конечном итоге эти строки были Пушкиным перечеркнуты. В комментарии издания «А. С. Пушкин. Стихотворения лицейских лет» (СПб., 1994. С. 628) по этому поводу справедливо указывается: «Уже Л. Н. Майковым замечено, что ст. 18–21 выражают "мысль о различии между чувственной страстью и мечтательной любовью <...>", исключение их меняет лирическую ситуацию стихотворения, перенося ночную сцену в комнату и придавая ей эротический характер».

Однако осталось незамеченным, как долго бился Пушкин над этим четверостишием, прежде чем его исключить.

У последней из этих строк поставлена буква «А», над первой сначала — буква «В». Таким образом здесь был прикинут следующий вариант:

Примчатся ль радости назад?
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?

Этот вариант не удовлетворил автора, и он поставил перед записанными строками стихотворений последовательно С, D, В (А перед последней строкой сохранилось), намечая новый вариант:

Примчатся ль радости назад?
Прямой любви, прямого счастья?
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад?

Но и это не все. На правом поле страницы около четверостишия появляется запись:

$$AD+DB = CD+DB$$

То есть так отмечено, что смысл строк сохраняется еще при двух вариантах:

Примчатся ль радости назад?
Пред тайной прелестью отрад,
Прямой любви прямого счастья
<Что вы, восторги сладострастья?>

Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
<Примчатся ль радости назад?>

Нетрудно заметить, что в последнем случае Пушкин возвратился к первоначальной композиции четверостишия, перепробовав различные его вариации, которые должны быть отмечены в разделе «Другие редакции и варианты» академического Полного собрания сочинений Пушкина.

2. Цифровые пометы в черновике стихотворения «Презрев и пени укоризны...»

Вскоре после приезда в михайловскую ссылку, в конце октября 1824 г., Пушкин пережил тяжелую ссору с отцом, который, узнав о причине удаления поэта из Одессы, запретил ему общаться с младшим братом, чтобы не внушать последнему «безбожные мысли». Очевидно, Лев Сергеевич тогда прямо вступился за своего старшего брата.

В эти дни А. С. Пушкин начал работать в тетради ПД 835 (л. 35об.) над стихотворением, в котором снова пробуждается замысел побега за границу, вызревший у него еще в Одессе. Первые три четверостишия вполне сложились, после ряда переделок:

Презрев и пени укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду, — в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
У[молкни] сердца шепот сонный,
Привычки давной слабый глас,
Прости, предел неблагоприятный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни м<ои> <прошли> в тиши,
Исполнены страстей, и лени,
И снов задумчивой души.

Далее Пушкин ставит значок *, обозначивший начало второй строфы, которая, видимо, также должна была состоять из трех четверостиший. Первое из них наконец было отделано в таком виде:

Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца о тебе,
В молчании сожжем же руки
И покоримся мы судьбе.

Два других четверостишия были сначала только намечены тематически:

Благослови побег поэта,
Не позабудь в волненьи

И где меня ни носит
Судьба

Над этими двустихиями были чуть позже поставлены цифры

3/

2/

То есть Пушкин теперь собирался сначала охарактеризовать свою судьбу на чужбине (очевидно, нелегкую), но заключить все стихотворение мыслью о неизбежности трудного шага.

Далее он занялся начерно обработкой темы второго, по данной нумерации, четверостишия, которое разрослось до восьми не вполне прописанных строк, в которых поэт предвидел смерть вдали от родины и родных, тем самым повторяя мотив, развитый им тремя годами раньше, в элегии «Гроб юноши». Очевидно, по этой причине работа над стихотворением «Презрев и пени укоризны...» была оборвана, не завершена. Возможно, обдумывая свою грядущую судьбу (а не только поэтические строки), Пушкин потому и не завершил своего послания к брату, что отказался от мысли о бегстве.

3. Хронологические подсчеты к сюжету трагедии «Борис Годунов»

На л. 43об. Второй масонской тетради (ПД 835) слева на свободном поле Пушкин сначала записал:

591

11

2

Второе слагаемое чем-то его не удовлетворяло, оно исправлено сначала на 12, потом на 13; соответственно менялась и записанная под чертой последняя цифра суммы — 3, 4.

Помета соотносится с «Борисом Годуновым», начало работы над которым начинается со следующей страницы подготовительными заметками к трагедии: конспектами отдельных мест X тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. На л. 44 как раз находятся записи, касающиеся убийства царевича Димитрия в 1591 г. На последующих листах — черновики первых четырех сцен трагедии и части пятой сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

В разговоре Пимена с Григорием в окончательной редакции трагедии на вопрос Отрепьева о возрасте убиенного царевича летописец отвечает:

Да лет семи; ему бы ноне было —
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.

Не исключено, что в комментируемой помете Пушкин вычисляет время, когда происходит действие сцены в Чудовом монастыре, то есть :

$$\begin{array}{r} <1>591 \\ \quad 13 \\ <160>4 \end{array}$$

Если первое слагаемое этого подсчета остается неизменным, то второе и сумма — меняются. Подбор второго слагаемого и его неуверенная запись перекликаются с колебаниями в памяти летописца. В окончательной редакции действие сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» Пушкин относит к 1603 г.

В комментарии к трагедии Л. М. Лотман по поводу этой даты заметила:

«Эту дату Пушкин заимствовал из 207 примечания к XI тому "Истории" Карамзина, где она дается со ссылкой на разрядную книгу <...>. В тексте "Истории" Карамзина стоит другая дата бегства Отрепьева за рубеж — февраль 1602 г. (История. Т. XI. С. 75). Современный исследователь на основании вновь обнаруженных документов подтверждает дату, которую указал в основном тексте Карамзин, — зима 1602 г.» (Пушкин А. С. Борис Годунов: Комментарий Л. М. Лотман и С. А. Фомичева. СПб., 1996. С. 276).

4. Подсчет «своего» и «чужого» в т. 3 журнала «Современник»

На заглавном листе белого автографа статьи «Мнение М. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» (ПД 1115) помечено:

Тютч. 1
Над. 11^{1/2}

1^{1/2}
Тютчева
Надежда
Мои

Буквенная часть этой пометы расшифрована в РП (С. 268—269), где она правильно истолкована как план третьего тома журнала «Современник». Там были помещены произведения:

А) пушкинские (ср. «Мои»): «Родословная моего героя», «Полководец», «Мнение М. Лобанова...», «Об "Истории пугачевского бунта"», «Вольтер», «Фракийские элегии» Ф. Теплякова, «Отрывок из неизданных записок дамы. 1811. С франц.», «Анекдоты», «Джон Теннер», рецензии на книги «Словарь святых» и «Об обязанностях человека» С. Пеллико, «Письмо к издателю» (предполагалось здесь же напечатать статью «Александр Радищев» и, может быть, «каменноостровский» цикл стихотворений);

Б) непушкинские: «Стихотворения, присланные из Германии» Ф. Т. (Тютчева), «Челобитная» Д. Давыдова, «Знаешь ли ты страну» П. Вяземского, «Ответ», «Эпиграммы», «Подражания испанским сегедильям» и «3 июля 1836 года» С. Сторожилова, «О надежде» кн. Козловского, «Как пишутся у нас романы» Ф. С. (В. Одоевского), «Нос» Н. Гоголя, «О партизанской войне» Д. Давыдова, «Прогулка по Москве» М. Погодина, «Государственная внешняя торговля».

«Тютч.» означало стихотворения Ф. Тютчева (объемом примерно в 1 печ. л.), «Над.» — статью кн. Козловского (в 1,5 печ. л.). Но что значили цифры вверху правой колонки? Как вполне очевидно, Пушкин предполагал поместить в журнальном томе еще не более полутора листов материалов, принадлежащих другим авторам (в дополнение к стихам Тютчева и статье «О надежде»), а основной его состав («Мои» — это около 17 печ. л.) оставял за своими произведениями. Причина такого пристрастия объяснялась просто: второй том журнала, напечатанный двумя «заводами» (2500 экз.), расходился так же плохо, как и первый; тираж третьего тома был сокращен вдвое и не предвещал доходов. Тютчеву и кн. Козловскому гонорар платить было не нужно, и 1,5 печатных листа предназначались в основном для «гонорарных авторов», а в остальном издатель мог рассчитывать только на самого себя. Но это, в свою очередь, заставляло Пушкина в своих

произведениях (в большинстве случаев они были опубликованы анонимно) быть по-журнальному разнообразным, выступать в разных амплуа: поэта, прозаика, мемуариста (даже мемуаристики!), критика, историка, обозревателя. Воссоздавая ожидаемое читателем журнальное многоголосие, Пушкин был вынужден в большинстве случаев не походить на самого себя, и это составляет важнейшую черту его позднего творчества, порой неожиданного по жанровым формам и стилевой манере.

5. План трагедии «Скупой рыцарь»

План первой из «маленьких трагедий» (драматических сцен), к которым Пушкин приступит во время болдинской осени 1830 г., возник в его представлении за четыре года до этого, в начале 1826 г. Он начертан (карандашом) на л. 80 тетради ПД 830 сбоку от первых строф пятой главы «Евгения Онегина». Во всех пушкиноведческих работах план истолкован в следующем виде:

Жид и сын
Граф —

Однако в качестве концентрированного пушкинского текста помета должна быть рассмотрена особенно пристально: здесь важен иногда малейший штрих.

Определим прежде всего последовательность заполнения данной страницы рукописи.

Очевидно, 4 января 1826 г. (дата на смежной странице, л. 79об.) здесь записываются начерно (впрочем, по большей части почти без исправлений) строки, посвященные приходу зимы, и в частности —

Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег...

Заполнив страницу до конца, Пушкин слева рисует автопортрет во весь рост, в сюртуке и с тростью, примеривая сначала к голове «широкий боливар», а потом заменяя его картузом. Именно во время этой перерисовки (на уровне процитированных выше строк) Пушкин и записал левее и чуть выше сначала:

Жид
Граф —

а потом добавил

и сын.

Топографически получилось так, что будто бы имелся в виду сын жида. Но, оказывается, смысл записи иной. После слова «Жид» Пушкин ставит отсылочную скобку, и слово «сын» в таком случае относится к «Графу». Слова «и сын» записываются выше только потому, что места для них около «Графа» не осталось из-за автопортрета.

Таким образом помета должна быть истолкована так:

Жид
Граф и сын —

то есть в полном соответствии с содержанием написанной четыре года спустя трагедии.

Думается, возможно понять и ассоциативный ход, высекший искру нового замысла, прямо не связанного с онегинскими строками. Пушкин в это время держит в памяти другое произведение — элегию П. А. Вяземского «Первый снег», где имеются строки:

По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!

(они были взяты эпиграфом к первой онегинской главе). И эта горячая юность (ср. Альбера в «Скупом рыцаре») противопоставлена в элегии «безжалостному уроку опыта», «истощившему чувства».

6. Фрагмент текста поэмы «Руслан и Людмила»

От л. 51 Лицейской тетради Пушкина (ПД 829) ныне остался лишь неровно оборванный край у переплета. Внизу этого корешка ясно читается:

[проистекающей]
против
боясь обеспо<ко>ить
мирный сон почтенного
невежи

Эта запись в РП (С. 154) расценена как «отрывок черновика иронического письма к неизвестному». Повод, послуживший основанием такой трактовки, понятен: по преданию, Пушкин 26—28 мая написал из Екатеринослава П. Я. Чаадаеву: «Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал: стоило ли будить тебя из-за такой безделицы» (Пушкин имел в виду свой отъезд из Петербурга в южную ссылку в мае 1820 г.). Но л. 51 в ПД 829 заполнялся годом раньше. Да и «отрывок из письма» здесь был бы явно не на месте; продолжить его было негде: слева остались заглавные буквы стихотворных строк, а в самом низу страницы нарисован профиль улыбающегося простофили.

Осмыслить и текст, и рисунок помогает корректирующий план поэмы на л. 63, который намечает композиционную перекомпоновку написанных ее эпизодов. Лишь один незачеркнутый пункт здесь «не обеспечен» дошедшим до нас текстом поэмы: «Фарлаф в загородной даче». По-видимому, на л. 51 Лицейской тетради и прописывался этот эпизод, проиллюстрированный портретом Фарлафа.

Данной трактовке сохранившегося обрывка текста, казалось бы, противоречит строчка, не укладывающаяся в четырехстопный ямб поэмы. Но вся эта запись представляет различные варианты обработки оторванных строк, которые шли справа. Сначала Пушкин написал:

боясь обеспо<ко>ить
сон
потом добавил:
почтенного

(это слово могло быть вставкой к иной строке) и наконец со знаком вставки дописал:

мирный.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ

По внешнему виду пушкинские пометы выглядят как цифровые, буквенные и смешанные. По содержанию их можно разделить на следующие группы:

1. Подсчеты:

1. Строк и строф,
2. Долгов и расходов,
3. Доходов (по большей части, ожидаемых).

2. Отдельные имена или перечни имен.

3. Перечни каких-либо предметов.

4. Адреса.

5. Даты (часто с краткой отметкой автобиографического их значения).

6. Аббревиатуры и другие шифры.

Перейдем к анализу разнокачественных помет этого класса, останавливаясь подробно лишь на некоторых характерных примерах.

Заметки 2 (совместно с Т. И. Краснобородько) и 5 в данном разделе подготовлены Я. Л. Левкович, 10 — А. В. Дубровским.

В последнем разделе данного выпуска, составленном Т. И. Краснобородько, дается перечень помет в рабочих тетрадях Пушкина, не получивших до сих пор никаких толкований.

1. Подсчет строф третьей главы «Евгения Онегина». Первоначальная редакция этой главы

Автографы Пушкина пестрят цифрами, которых, конечно, меньше, чем рисунков, но и они придают творческим рукописям поэта вид своеобразного дневника, документируя его размышления о художественных замыслах и вполне прозаические бытовые раздумья, не оставляющие его и во время работы над произведениями. Как известно, еще с лицейских времен поэт был не силен в математике, а потому, как правило, не доверял устному счету, предпочитая вести расчеты на бумаге — порой самые элементарные.

На л. 12 тетради ПД 835 Пушкин делает подсчет:

$$\begin{array}{r} 15 \\ 12 \\ \hline 27 \end{array}$$

Откуда взялось первое слагаемое, можно догадаться. Это количество строф третьей главы «Евгения Онегина», записанных в этой же тетради. Начало же главы писалось в тетради ПД 834, последние листы которой вырваны и утрачены. Напомним, что эта тетрадь аналогична ПД 835 (Первая и Вторая масонские тетради), а стало быть, первоначально состояла также из 94 листов. Сохранился же в ней всего 51 лист, причем 38 листов было вырвано из середины тетради, — значит, в конце ее недостает всего 5 листов ($51 + 38 + 5 = 94$).

На них могли уместиться черновики не более двадцати онегинских строф, и то только в том случае, если бы на этих листах писались лишь они (на самом деле в конце тетради ПД 834 онегинский текст постоянно перебивался другими замыслами). Но обрывается тетрадь ПД 834 на строфе VI (включая строфу Va, не вошедшую в основной текст), а в тетради ПД 835 третья глава продолжена со строфы XXIX (по счету строф в окончательной редакции).

Сделав эти выкладки, мы можем понять теперь, что могло означать второе слагаемое (12): это пересчет, по всей видимости, строф третьей онегинской главы — в тетради ПД 834.

Недаром Пушкин контролировал себя. Глава, законченная эффектной концовкой:

Последствия неожиданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я.
Я жажду после долгой речи
И погулять, и отдохнуть —
Окончу все когда-нибудь —

оказалась немного короче, нежели первые две, для которых Пушкин уже выработал количественный эталон: примерно в 50 строф. Здесь же было на 23 строфы меньше, и положение не спасали два астрофических фрагмента третьей главы: «Письмо Татьяны» (87 строк) и «Песня девушек» (16 строк), которые были эквивалентны примерно семи строфам.

Проверим наши рассуждения анализом содержания тех строф, черновиков которых мы не знаем. Могли ли быть в них вставки, которые написаны уже в Михайловском, а не в Одессе, когда Пушкин заканчивал работу в тетради ПД 834? Один из таких фрагментов распознается совершенно уверенно — это строфы XVII—XVIII, в которых появляется новый персонаж — няня Татьяна.

Общепризнанно, что прототипом Фадеевны (в окончательной редакции — Филипьевны) стала Арина Родионовна. Но ведь с ней поэт близко сошелся только в годы михайловской ссылки. До того он плохо ее знал, так как в детстве она была няней его сестры Ольги. Вполне очевидно, что, прорабатывая на л. 12 тетради ПД 835, уже в Михайловском, строфы, посвященные няне (XXXIV и XXXV), и именно в этот момент осознав необходимость расширения одесской редакции начала главы, Пушкин прежде всего обогатил характеристику Фадеевны, воссоздавая в ней милые черты Арины Родионовны.

Итак, мы можем реконструировать утраченную отчасти в автографах самую раннюю редакцию (в составе 27 строф) третьей онегинской главы к моменту подсчета ее строф, выполненного на л. 12 тетради ПД 835. Реконструкция эта в строфах 8—12 несколько условна по отдельным строкам, так как здесь мы вынуждены воспроизводить нижний (первоначальный) слой белого автографа (ПД 933). Остальные строфы мы даем по черновым автографам, сохранившимся в тетрадях ПД 834 и ПД 835 и в некоторых случаях до конца не отработанным.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (ранняя редакция)

1

— Куда? Уж эти мне поэты!
— Прощай, Онегин, — мне пора.
— Я не держу тебя, да где ты
Свои проводишь вечера?
— У Лариных. — Вот это чудно!
Помилуй — и тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?
— Нимало. — Не могу понять.
Отселе вижу, что такое
Весь дом: послушай, прав ли я?
Во-первых: русская семья,
К гостям усердие большое,
[Варенье], сальная свеча,
Помин про Савву Ильича.

2

— Я тут еще беды не вижу.
— Да скука — вот беда, мой друг.
— Я модный свет [ваш] ненавижу —
Милее мне домашний круг
В глуши полей. — Опять эклога!
Да полно, полно, ради Бога.
Ну что ж, ты едешь? [Очень] жаль, —
Послушай, Ленский, да нельзя ль
Увидеть мне Филиду эту?
Предмет и мыслей, и пера,
И слов, и рифм et cetera.
Представь меня? — Ты шут<ишь?> — Нету.
— Я рад. — Когда же? — Хоть сейчас, —
С большой охотой примут нас.

3

К соседке поскакали други —
Обоим им расточены
Порой тяжелые услуги
Гостеприимной старины.
Обряд известный угощения:
Несут на блюдечках варенья,
Бутыль с брусничною водой,
Арбуз и персик золотой.

В деревне день есть цепь обеда —
Поджавши руки у дверей,
Сбежались девки из сеней
Смотреть на нового соседа,
А на дворе толпа людей
Критиковала их коней.

4

Пока дорогой самой краткой
Летят назад во весь опор,
Теперь послушаем урядкой
Героев наших разговор.
— Ну что ж, Онегин, — ты зеваешь?
— Привычка, [Ленский]! — Ты скучаешь?
— Всегда и всюду, правда... — Но
Сегодня больше? — Нет, равно.
Скорей пошел, пошел, Андрюшка!
Какие скучные места...
Ах, знаешь, Ларина [проста],
Но очень милая старушка.
<Ее брусничная вода>
Мне не наделала вреда.

5

Скажи, которая Татьяна?
— Да та, которая грустна
И [молчалива], как Светлана,
Вошла и села у окна.
— Ужели ты влюблен в меньшую?
— А что? — Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт —
В чертах у Ольги жизни нет,
Как в Рафаэлевой мадонне.
<Румянец да> невинный <взор>
Мне надоели <с давних пор.>
— Всяк молится своей иконе, —
Владимир сухо отвечал,
И наш Онегин <замолчал>.

6

В постеле лежа — наш Евгений
Глазами Байрона читал,
Но дань вечерних размышлений
В уме Татьяне посвящал. —

Проснулся он денницы ране,
И мысль была <все> о Татьяне.
Вот новое, подумал он,
Неужто я в нее влюблен?
Ей-богу, это было б славно,
[Себя] [уж] то-то б одолжил,
Посмотрим, — [и тотчас решил]
Соседей навещать исправно,
Как можно чаще, — всякий день,
[Ведь] им досуг, а нам не лень.

7

Меж тем Онегина явленье
[У Лариных] произвело
На всех [большое] впечатленье
И до соседей всех дошло.
Пошли догадка за догадкой,
Все стали толковать украдкой,
Судить, шутить не без греха,
Татьяне прочить жениха,
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсем,
Но остановлена затем,
Что только колец не достали.
[Того же мненья был и поп
И сам дьячок его Антроп.]

8

Татьяна слушала с досадой
Такие сплетни; но тайком
С неизъяснимою отрадой
Невольнo думала о том;
И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
И призрак милый и живой
Весь овладел ее душой.
Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь:
Она ждала кого-нибудь.

И дождалась... Открылись очи,
 Душа сказала: это он!
 Увы! теперь и дни и ночи,
 И жаркий одинокий сон —
 Все полно им; все деве милой
 Безумолку волшебной силой
 Твердит о нем. Докучны ей
 И звуки ласковых речей,
 И взор заботливой услуги.
 В уныние погружена,
 Гостей не слушает она
 И проклиная их досуги,
 Их неожиданный приезд
 И продолжительный присест.

Одна с каким она вниманьем
 Читает пламенный роман,
 С каким живым очарованьем
 Пьет обольстительный обман!
 Одушевленные созданья
 Волшебной силою мечтанья,
 Любовник Юли Вольмар,
 Малек-Адель и де Линар,
 И Вертер, мученик мятежный,
 И пресловутый Грандисон,
 Который вам наводит сон, —
 Все для мечтательницы нежной
 В единый образ облеклись,
 В одном Онегине слились.

Воображаясь героиней
 Бесценных для нее творцов,
 Кларисой, Юлией, Дельфиной,
 Татьяна в тишине лесов
 Одна с опасной книгой бродит,
 Она в ней ищет и находит
 Свой тайный жар, свои мечты,
 Плоды сердечной полноты,
 Вдыхает и, себе присвоя
 Чужой восторг, чужую грусть,
 В забвеньи шепчет наизусть

Письмо для нашего героя...
Но наш герой, что б ни был он,
Уж вовсе был не Грандисон.

12

Увы! друзья! мелькают годы —
И с ними вслед одна другой
Мелькают ветренные моды
Разнообразной чередой —
Все изменяется в природе.
Ламуш и фижмы были в моде,
Придворный франт и ростовщик
Носили пудренный парик.
Бывало, важные поэты
В надежде славы и похвал
Точили тонкий мадригал
Иль остроумные куплеты...
Бывало, важный генерал
Служил и грамоты не знал.

13

Неправильный, небрежный лепет,
Ошибка, выговор чужой
По-прежнему невольный трепет
Произведут во мне порой —
Раскаяться во мне нет силы:
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
Но полно — мне пора заняться
Письмом красавицы моей.
Я слово дал — и что ж? — ей-ей,
Теперь готов хоть отказаться.
О где найду я в наши дни
Перо достойное Парни?

14

Когда б ты был еще со мною,
<Певец любви, певец пиров!>

.....
.....

Ты на знакомые напевы
Переложил бы нежной девы
Иноплеменные слова.

Мою тетрадь, мои права
Ему бы вверил я с поклоном,
Но на вершине [финских скал,]
Отвыкнув сердцем от [похвал,]
Один под финским небосклоном
Он бродит, и [перо] его
Не слышит горя моего.

15

Письмо Татьяны предо мною —
(Его я свято берегу),
Читаю с тайною душою
И начитаться не могу:
Кто ей внушил такую нежность
И [слов сердечную] небрежность,
Столь [милый, столь умильный] вздор,
Безумный сердца разговор
И завлекательный и вредный,
Я не могу понять — но вот
Неполный, слабый перевод
С картины яркой — список бледный
Или перстами учениц
Разыгранный Моцарт иль Диц.

Письмо Татьяны

Я вам пишу — чего же боле,
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
[Меня презреньем] наказать —
Предвижу мой конец недальной,
Но вы к моей судьбе печальной,
Хоть каплю жалости <храня>,
Вы не покинете меня. —
Поверьте — я молчать хотела,
Поверьте — моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела,
Хоть изредка, в неделю раз,
В деревне нашей видеть вас.
Незамечаемая вами,
Могла я слушать вас меж нами,
Когда бы можно было мне
Вас видеть иногда <...>

Безмолвно слушать ваши речи,
Подать вам руку — и потом
Все размышлять об вас одном
И день и ночь до новой встречи. —
Но, говорят, вы нелюдим,
Вам даже в свете было скучно.
В деревне чем вас угостим? —
Хоть вам и рады простодушно.
Зачем вы посетили нас,
В глуши забытого селенья?
Я никогда не знала вас,
Не знала б страстного мученья.
Моя смиренная семья,
Уединенные гулянья
Да книги, верные друзья, —
Вот все, что так любила я. —
Души неопытной мечтанья
Смирив со временем — как знать?
Быть может, я нашла бы друга,
Была б и верная супруга,
И добродетельная мать.
Другой... нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я,
То в высшем суждено совете,
То Воля неба — я твоя,
Ко мне, ко мне ты послан Богом,
Я знаю, ты хранитель мой,
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья нашего с тобой;
Ты мне внушил мои моленья,
Любви небесной чистый жар,
И грусть, и слезы умиленья —
Они тебе, они твой дар. —
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незнаемый, ты был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался.
То верю <...> был не сон,
Ты лишь вошел, я вмиг узнала,
Душа заняла <запылала>,
И я сказала — это он.
Не правда ль, я тебя слыхала,
Ты звал меня <...> вдаль,
Когда я бедным помогала

Или молитвой услаждала
Неизъяснимую печаль.
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Не ты ль с надеждой и любовью
Склонился тихо к изголовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Иль демон, сердца искушитель?
Приди, сомненья разреши.
Но, может быть, судьба жестоко
Меня умела обмануть,
И врезалась она глубоко
В мою пылающую грудь...
Но так и быть: судьбу свою
Отныне я тебе вручаю —
Перед тобою слезы лью,
Твоих советов ожидаю.
Вообрази — я здесь одна,
Меня никто не понимает,
Рассудок мой ослабевает.
<И молча гибнуть я должна.>
Я жду тебя — единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы! заслуженным укором.
Кончаю... страшно перечесть,
Невольно страхом замираю,
Но мне надежда ваша честь,
Я смело ей себя вручаю.

16

Татьяна то вздохнет, то охнет,
Дрожит письмо в ее руке,
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.
Уж поздно, блеск луна теряет,
И утро тихое сияет
Сквозь ветки липы к ней в окно,
А нашей деве все равно:
Окаменев, облокотилась...
Постель <...> горяча...
С ее прелестного плеча

Сорочка легкая спустилась.
Упали кудри на глаза,
На перси капнула слеза.

17

В волненье, сидя на постеле,
Татьяна чуть могла дышать,
Письма не смея в самом деле
Ни перечесть, ни подписать.
И думала — что скажут люди?
И подписала «Т.<вердо> Л.<юди>»

.....

18

Она зари не замечает,
Не внятен ей и шум дневной,
И на письмо не напирает
Она печати вырезной.
Но дверь тихонько отворяя,
Уж ей Фадеевна седая
Приносит на подносе чай...
— Пора, дитя мое, вставай...
Да ты, красавица, готова.
Ох, пташка ранняя моя,
Уж как вечер боялась я.
Ну! Слава Богу, ты здорова,
Лицо твое как маков цвет,
Тоски ночной и следу нет.

19

— Ах няня! сделай одолжение...
— Изволь, родная, прикажи.
— Не думай... видишь... подозренье...
Но право — ах, не откажи.
— Мой друг, вот Бог тебе порука.
— Пошли же потихоньку внука
С запиской этой. К <...> тому
Соседу, да вели ему,
Чтоб он не вымолвил ни слова,
Чтоб он не называл меня.
— Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолкова —
Крутом соседей много есть,
По пальцам их не перечесть.

20

— Как недогадлива ты, няня.
 — Что делать, Таня, я стара,
 Тупеет, <...> разум, Таня,
 А то, бывало, я востра,
 Бывало, слово барской воли...
 — Ах, няня, няня! до того ли!
 Тут видишь, дело о письме —
 Что толку мне в твоём уме?!
 Пошли к Онегину. — Ну, дело,
 Давно была такая я,
 Когда я нянчила тебя...
 Да что с тобой? — ты побледнела!
 — Так, няня, право, ничего...
 Пошли же внука своего.

21

Теперь как сердце в ней забилось!
 О Боже! страх и стыд какой!
 В груди дыхание стеснилось...
 Что станет делать? — Боже мой!
 Сама на мать глядеть не смеет,
 То вся горит, то вся бледнеет —
 При ней, потупя взор, молчит
 И чуть не плачет и дрожит.
 Внук няни к вечеру явился,
 Соседа видел он — ему
 Письмо вручил он самому.
 И что ж сосед? — Верхом садился —
 И положил письмо в карман...
 О, чем-то кончится роман?!

22

Но день прошел — и нет ответа,
 Настал другой — все нет как нет. —
 <...> с утра одета
 Татьяна ждет; когда ж ответ?
 Приехал Ольгин обожатель —
 «Скажите: что же ваш приятель?»
 Он что-то нас совсем забыл», —
 Ему вопрос старушки был.
 Татьяна в угол подбежала.
 «Сегодня быть он обещал, —
 Старушке Ленский отвечал, —

Но, видно, почта задержала»...
Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор.

23

Смеркалось. На столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник обвивая,
Под чайником клубился пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам желтою струею
Уже душистый чай бежал —
И сливки Тришка подавал.
Татьяна у окна стояла,
И вот она, моя душа,
На окна чистые дыша,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель: О да Е.

24

И между тем душа в ней ныла,
И слез был полон робкий взор.
Вдруг топот... Кровь ее застыла...
Вот ближе, скажут — и на двор
Евгений. — Ах! — И легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор — и прямо в сад
Она летит, взглянуть назад
Не смеет — — мигом обежала
Куртины, мостик и лужок.
<.....>
По цветникам она к ручью —
И задыхаясь на скамью —

25

Упала. — Здесь он, здесь Евгений,
Что делать? Что подумал он?
И сердце полно сожалений,
И в ней надежды смутный сон,
И вся дрожит и жаром пышет,
И здесь его уж дева слышит...
Сбирали девушки <...>
Кружовник <...>

И хором <...>
По приказанью <...> пели;
Чтоб тайно ягод между тем
Уста проказницы не ели.

26

Они поют, и эхо в поле
Разносит звонкий голос их.
Татьяна внемлет поневоле,
И трепет сердца в ней затих.

Песня девушек

Вышла Дуня на дорогу,
Промолвившись Богу.
Дуня плачет, завывает,
Друга провожает.
Друг поехал на чужбину,
Дальнюю сторонку.
Ох, уж эта мне чужбина,
Горькая кручина!..
На чужбине молодицы,
Красные девицы.
Остаюсь я, молодая,
Горькою вдовицей —
Вспомяни меня младую
Аль я приревную,
Вспомяни меня заочно,
Хоть и не нарочно.

Чтобы прошло ланит пыланье,
Но в персях — то же трепетанье,
И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче все горит.
Так бедный мотылек и блещет,
И бьется радужным крылом,
Коварным пойманный перстом.
Так зайчик в озиме трепещет

.....

27

И наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей,
Пошла домой, но повернула
В аллею <...> Перед ней

В <...> Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И как огнем обожжена,
Остановилась она.
Последствия нежданной встречи
Сегодня милые друзья
Пересказать не в силах я.
Я жажду после долгой речи
И погулять, и отдохнуть...
Окончу все когда-нибудь. —

Подсчет строф в третьей главе, скорее, относится к классу творческих, а не биографических помет. Однако вместе с тем постоянные вычисления Пушкина, сколько строк им написано, вызывают, как увидим ниже, зачастую практический интерес.

2. Подсчет строк в стихотворениях, опубликованных в «Полярной звезде»

На левом поле л. 26об. Первой масонской тетради (ПД 834) стоит обведенная рамочкой цифра «156». Конечно, появилась она не случайно. Так Пушкин мог записать либо сумму долга, либо число написанных стихов. Помета сделана рядом с черновиками VI и VII строф второй главы «Евгения Онегина», которые писались между 22 октября 1823 г. (дата, поставленная на л. 22об. этой тетради) и 1 ноября 1823 г. (дата на л. 29об.).

Число «156» почти соответствует количеству строк в стихотворениях Пушкина, опубликованных в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда на 1824 год». Там были напечатаны стихотворения «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...») (24 строки), «Нереида» (6 строк), «В альбом малютке» (17 строк), «К Морфею» (12 строк), «Элегия» («Редает облаков летучая гряда...») (16 строк), «Отрывок из послания В. Л. Пушкину» (21 строка), «Домовому» (20 строк), «Элегия» («Простишь ли мне ревнивые мечты...») (37 строк) и «Надпись к портрету» (4 строки). Сумма строк во всех этих стихотворениях составляет, таким образом, «157», и, если наше предположение верно, Пушкин при подсчете ошибся на единицу.

Известно, что издатели «Полярной звезды» платили Пушкину гонорар. Когда в 1825 г. поэт через брата послал для очередного

выпуска альманаха «Разговор Татьяны с няней» и Лев Пушкин запросил с издателей по пяти рублей за строчку, Александр Бестужев сказал ему: «Ты промахнулся, Блевушка, не потребовав за строчку по червонцу. Я бы тебе и эту цену дал, но только с условием пропечатать нашу сделку в Полярной Звезде, для того чтоб знали все, с какою готовностью мы платим золотом за золотые стихи» (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 241. Альманах этот, который издатели собирались выпустить под названием «Звездочка», не вышел из-за декабрьских событий). Можно предположить, что Л. С. Пушкин запросил ту цену, которую платили издатели его брату раньше. Сам же Пушкин, который в Кишиневе и Одессе постоянно нуждался в деньгах, поторопился «прикинуть» свой будущий гонорар. Но как и когда он мог узнать, что именно из его стихов было напечатано в «Полярной звезде»?

Свои стихи Пушкин отправил Бестужеву еще летом 1823 г. 13 июня он писал ему: «В рассуждении 1824 г., постараюсь прислать тебе свои бессарабские бредни; но нельзя ли вновь осадить цензуру и, со второго приступа, овладеть моей Анфологией?» Пушкин знал, что его произведения с трудом проходили через цензурное горнило. При прохождении через цензуру «Полярной звезды на 1823 год» пушкинские стихи подверглись пристальному вниманию А. С. Бирукова. Цензор не пропустил три стихотворения поэта (в том числе «Алексееву» и «Друзьям»). Репутация первой книжки альманаха как проповеди вольнолюбия, установившаяся в обществе, насторожила и без того взыскательного Бирукова. При проведении через цензуру второй книжки издателей ожидали еще большие трудности. Правда, не пропущенное в 1822 г. стихотворение Пушкина «Друзьям» (раньше оно называлось «Вакхическая песнь») благополучно прошло цензуру; но снова («со второго приступа») было задержано «Алексееву» и еще три новых стихотворения: «Иностранке», «Кривцову» и «В. Л. Пушкину». В первом из них Бирукову не понравилось слово «боготворить», во втором он нашел «ненравственную цель» («двое за одной волочатся»). Не были пропущены стихотворения В. И. Туманского и «Петербург» П. А. Вяземского (см. письмо К. Ф. Рылеева к В. И. Туманскому от 3 октября 1823 г.) (Рылеев К. Ф. Соч. Л., 1978. С. 307).

Пришлось обратиться к помощи влиятельного А. И. Тургенева, который взялся провести крамольные стихи сквозь Сциллу и Харибду цензуры. Но Тургенев столкнулся с препятствиями более серьезными, чем цензор Бируков. В ноябре 1823 г. он писал

Вяземскому: «Я хлопотал за твои и Пушкина стихи, но не цензор виноват. Кое-что выхлопотал и возвратил Рылееву». В следующем письме он опять намекает на существование некоего давления на цензуру: «Еще не знаю, на что решился цензор и что переменяли издатели. Официальная бумага теперь не поможет: не отсюда гром гремит» (Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 2. СПб., 1899. С. 365, 366). Старания Тургенева почти не увенчались успехом. Из пушкинских стихов удалось добиться разрешения на публикацию только послания «В. А. Пушкину». Стихотворения «Иностранке» и «Кривцову» в альманахе напечатаны не были, а «Петербург» Вяземского появился с большими купюрами. Стихотворение «Алексееву» было напечатано в «Полярной звезде на 1825 год».

Пушкин понимал, что судьба его стихов станет ясна только тогда, когда альманах выйдет в свет, и не мог подсчитывать сумму своего гонорара до получения книжки «Полярной звезды». Альманах появился в конце декабря 1823 г. (цензурное разрешение — 20 декабря). Получив его от издателей, Пушкин 12 января 1824 г. посылает ответное письмо Бестужеву. Так что запись в тетради могла быть сделана только в конце первой декады или в первые два дня второй декады января.

Мы отметили, что эта цифровая помета расположена между двумя обозначенными самим Пушкиным датами — 22 октября и 1 ноября 1823 г. Принятое в подобных случаях датирование записей «по положению в тетради» здесь не является определяющим. Очевидно, что цифра «156» была записана Пушкиным для памяти, или на случайно открытом листе тетради, или одновременно с просмотром строф «Онегина», которые писались в конце октября. Другого объяснения этой записи найти не можем. Отметим, что небольшие арифметические ошибки не так уж редки в цифровых пометах Пушкина.

3. Подсчет одесских долгов

Большинство числовых помет, которые мы находим в рукописях Пушкина, связано денежными проблемами, с повседневными заботами об ожидаемых расходах и доходах. Это, между прочим, подчеркивает совершенно особое для того времени положение Пушкина в обществе и его отношение к своему творчеству как к профессиональной деятельности. Мысль об этом укрепилась в нем после финансового успеха поэмы «Бахчисарайский фонтан»

(1824), изданной П. А. Вяземским: Пушкин получил по пяти рублей за каждую строчку. О столь высоком авторском гонораре даже сообщалось в журналах.

Некая эйфория от такого финансового успеха (а в тетрадях вызревали другие произведения!) подвигнула поэта на решительный шаг, который в конечном счете привел его к новым испытаниям.

22 мая 1824 г. он пишет А. И. Казначееву, правителю канцелярии одесского генерал-губернатора, просьбу об отставке, забывая о том, что его служба на юге, вдали от столицы, амнистии пока не предполагала. На л. 1 Второй масонской тетради (ПД 835) читаем:

«Почтенный Александр Иванович! Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знаю, вправе ли отозваться на предписание его сиятельства. Как бы то ни было, надеюсь на вашу снисходительность и приемлю смелость объясниться откровенно насчет моего положения.

Семь лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель. Ради Бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость. Думаю, что и граф Воронцов не захочет меня лишить ни того ни другого.

Мне скажут, что я, получая 700 рублей, обязан служить. Вы знаете, что только в Москве или Петербурге можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 верст от столиц. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паек ссылочного невольника. Я готов от них отказаться, если не могу быть властен в моем времени и занятиях...»

Хотя письмо пишется в начале тетради задним числом, на оставленных (для автографа «Цыган») чистых листах, его местоположение едва ли случайно: это род введения к ней. Поэтому

особым значением наполняется следующий подсчет на л. 30б.

150	[100]			
150		[150]		
200 Б		[150]		
300 О.	150			
300 Ч.	15		15	[14]
200	20		[8]	
				[2]
				[2]
				[1]
800<?>			[1]	[1]

Чтобы «прочитать» эти цифры, нужно прежде всего понять, к какому классу пушкинских подсчетов они относятся. Это не может быть ни сюжетным подсчетом, ни подсчетом строк. Это и не подсчет доходов: жалование, гонорар, редкие денежные посылки от родных тоже выражались в более или менее круглых числах. Другое дело — долги, их могло накопиться много и разных. Остановимся пока на этом предположении и попробуем проверить его известными нам фактами биографии Пушкина. Зачем в 1824 г. ему понадобилось подсчитывать свои долги?

Ответ на этот вопрос мы находим в тетради ПД 834, последние листы которой заполнялись одновременно с начальными записями в тетради ПД 835. В ПД 834 на л. 50об.—51 написано вчерне 8 марта 1824 г. письмо к Вяземскому:

«От всего сердца благодарю тебя, милый Европеец, за неожиданное послание, то есть посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другого — и почитать наших книгопродавцев. Одно меня затрудняет: ты продал все издание за 300<0> рублей, а сколько же стоило тебе его напечатать? Ты все-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных что тебе следует да пришли их ко мне. Расти им незачем. А у меня не залежатся, хотя я, право, не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму, потому что мне полюбилось, — я к 18 веку уже не принадлежу».

Вот почему Пушкин стал подсчитывать свои долги: он получил наконец возможность с ними рассчитаться!

Еще один черновик письма подтверждает наше предположение. Оно по-французски записано также в тетради ПД 834, несколько выше — на л. 43, поверх появившейся здесь еще в начале февраля онегинской строфы.

Даем его в русском переводе:

«Посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам так давно должен; прошу принять мою искреннюю благодарность. Что касается извинений, у меня не хватает смелости их принести. — Мне стыдно и совестно, что до сих пор я не мог уплатить вам этот долг, — я погибал от нищеты. Примите, генерал, уверенья в моем глубоком почтении».

Во всех собраниях сочинений Пушкина это письмо предположительно считают адресованным кишиневскому начальнику поэта, генералу И. Н. Инзову. Однако мы согласны с Т. И. Левичевой, что из всех генералов в окружении Пушкина это мог быть только М. Ф. Орлов, который наездами жил в Одессе и с которым у поэта были действительно «неформальные», доверительные отношения (см.: ВПК. Вып. 24. Л., 1991. С. 175).

А теперь вновь обратимся к интересующим нас вычислениям. Подсчет общей суммы записанных столбиком чисел (между двумя горизонтальными линиями) позволяет определить, что 8 марта он получил от Вяземского 1000 рублей. При трех первых числах поставлены прописные буквы: это, очевидно, пофамильное определение кредиторов. «О.» — М. Ф. Орлов. Первый же кредитор пока не вполне ясен; среди одесских знакомых Пушкина были Ф. И. Брунов, В. М. Бер, аббат Буавен, Д. Е. Башмаков, И. П. Бларамберг, М. Д. Бутурлин, — более вероятен из них в качестве кредитора кто-то из первых двух. С третьим кредитором дело еще сложнее — пока мы знаем только одного одесского знакомого поэта, чья фамилия начиналась на Ч, некоего Чернявского (нам даже неизвестны его инициалы), служившего в канцелярии одесского генерал-губернатора. Мог ли он одолжить Пушкину 300 рублей? Был ли другой в Одессе знакомец Ч., к которому поэт мог обратиться со столь деликатной просьбой? Это еще предстоит выяснить.

Не вполне ясное число под второй горизонтальной линией мы трактуем как «800» — это, по всей вероятности, помеченная сумма всех крупных долгов (200 + 300 + 300); а последнее слагаемое (без буквенной пометы) — разность между «посылкой» Вяземского (1000) и крупными долгами.

Потом сбоку Пушкин приписывает свои долги помельче: 15, 20, и еще — в последнем столбике справа — самые мельчайшие задолженности, сумма которых записана выше (14) и тут же округлена (15) для простоты общих расчетов. Оставалось вроде бы от тысячи всего 150 рублей, эта сумма записана пять раз — дважды (в центре) обведена рамкой и как общий итог поставлена «в заглавие». Кажется, мы можем понять и зачеркнутую цифру 100, записанную сбоку от основного подсчета. Долг М. Ф. Орлову в письме обозначен в 360 руб., а в подсчете — в 300. Здесь надо иметь в виду, что счет денег в пушкинское время велся на серебро и на ассигнации. Соотношение между серебряным рублем и рублем бумажным не было строго фиксированным и в грубом приближении выглядело как 3:1. У генерала Пушкин, вероятно, одолжил десять червонцев — это и помечено для памяти как «100», а в столбике общего расчета Пушкин пометил долг в ассигнациях. К моменту же пересылки долга было уточнено, что 100 червонцев эквивалентны несколько большей сумме: 360 рублям ассигнациями.

Так расшифрованный подсчет воссоздает целую страницу биографии поэта, где быт и творчество тесно связаны. Мы можем признать, что некоторые детали нашей трактовки пока что не безусловны, вероятностны. Однако и предварительные объяснения также необходимо излагать публично, с тем чтобы дать одно из возможных решений в ожидании более удачного и убедительного.

4. Дорожные расходы

За свою жизнь Пушкин проехал в дорожной карете десятки тысяч верст: без этого его творчество было бы, несомненно, намного беднее. А дорожные траты по тем временам были немалые. Так, записная книжка ПД 844 (всего в семь листов), которую Пушкин вел в оренбургской поездке, открывается записью:

Станция дано 84 руб.
Нанято за 84 руб.
 дано 14
 дано 50.

Здесь же на л. 4об. :

70	20
60	900
4200	18000

на л. 5:

27	220
5	20
	440 рубля до Ор<енбурга>

32
12

5000
20
100.00

на л. 7об. :

200	200
	160

и, наконец, на заднем форзаце:

12
010
120
50
10
180

Все это подсчет дорожных расходов.

Наиболее частый сомножитель здесь — 20 (стоимость одной прогонной версты за тройку лошадей в копейках).

Пометы о дорожных расходах сохранились во многих пушкинских автографах, в том числе в ПД 73, который, впрочем, заслуживает внимания не только цифровыми выкладками.

В верхней части листа Пушкин сначала написал:

КОМЕДИЯ

О настоящей беде Моск. Госуд.

О царе Борисе и о Гришке Отрепьеве —
сочинено [А] Валерианом Палицыным
в лето 7333.

[В] На городище Ворониче

Сразу же, строка об «авторе» была тщательно зачеркнута и сверху надписано:

писано Алексашкою Пушкиным

Вполне очевидно, что это титульный лист белой рукописи трагедии Пушкина, из которой к этому времени вчерне были написаны сцены, составляющие первую ее часть. Датировать эту рукопись можно достаточно точно. 13 июля 1825 г. в письме к Вяземскому Пушкин скажет: «Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия:

Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб Божий Александр сын Сергеев в лето 7333, на городище Воронице. Каково?»

Ниже заглавия позднее Пушкин записывает:

после сцены VI

Где ж он? где старец Леонид?
Я здесь один и все молчит
Холодный дух в лицо мне дует
И ходит холод по главе...
Что ж это? что же знаменует
Беда ли мне, беда ль Москве?
Беда тебе, Борис лукавый!
Войдет со мной в твой светлый дом
Беда тебе! главы преступной
Ты не спасешь ни покаяньем
Ни Мономаховым венцом.

Дописав эту концовку сцены, Пушкин сразу же после строки «Беда тебе, Борис лукавый» вписывает еще одну строку:

Ц<аревич> тению кровавой, —

а после следующей строки ставит точку. Впоследствии весь этот текст перечеркивается крест-накрест.

Только тогда, когда титульная страница первой части трагедии утратила свой парадный вид и на ней появилась вставка к 6-й сцене, рукопись могла использоваться для каких-то деловых записей, выраженных в цифровых пометах в нижней части страницы:

36		36
36		18
72		52
28		106
90		
[20]	52	
[100]	180	
	20	
	3600	

Смысл этих помет достаточно уверенно проясняется, если мы обратим внимание на сомножитель 20, повторенный здесь дважды.

Сначала был выполнен правый верхний столбец подсчетов: вычислялось количество верст от Михайловского до Пскова (106). Левый подсчет по сумме несколько меньше, так как теперь вычисляется путь от того же Пскова до ближайшей к Михайловскому почтовой станции. Именно потому только теперь количество верст (90*) умножается на 20. Подсчет здесь не доведен до конца, так как Пушкин сообразил, что, определяя свои путевые расходы, нужно иметь в виду почтовый путь не только до Пскова, но и обратно (180).

В письме Вяземскому от 13 июля 1825 г. (том самом, где сообщалось заглавие трагедии) Пушкин, в частности, писал: «Вероятно, ты уже знаешь царскую ко мне милость и позволение приехать во Псков. Я справлялся о тамошних операторах; мне рекомендуют Всеволожского, очень искусного коновала; увидим». Строки эти пропитаны горечью, скрашенной невеселой шуткой. Дело в том, что Пушкин просился на лечение в Ригу, и неспроста: туда собирались поехать П. А. Осипова с дочерьми Анной и Евпраксией и племянницей Анной Керн. В этом ему было отказано. Тогда-то он и предпринял путешествие во Псков, где 19 июля 1825 г. посетил врачебную управу.

Очевидно, ввиду срочности поездки он воспользовался почтовыми лошаадьми и предварительно (наверное, 18 июля) высчитывал, во сколько ему это обойдется: видимо, в ту пору каждый рубль у него был на счету. Вечером того же 19 июля он провожает из Тригорского в Ригу А. П. Керн и дарит ей первую главу «Евгения Онегина» с вложенным в нее стихотворением «Я помню чудное мгновенье».

5. Карточные долги

В предисловии к разделу «Приходно-расходные записи» книги «Рукою Пушкина» М. А. Цявловский писал: «Скупые, почти без слов, записи сумм рублей ярко живописуют ту материальную нужду, в тисках которой всю жизнь находился поэт. "Долги" — такова тема почти всех этих записей».

Двадцать пять таких записей опубликовано в названной книге. Эти двадцать пять не исчерпывают всех цифровых подсчетов, которые встречаются в рукописях Пушкина. Имеются они и в Арзрумской тетради (ПД 841). На л. 122 тетради находим следующую колонку цифр:

125
350
475

Колонка записана с обратного конца тетради, в перевернутом положении. Она расположена на правом поле листа. Выше ее — заметка «Литература у нас существует, а критики нет», ниже — стихотворение «Здравствуй, Дон». На предыдущей странице (л. 123об.) записана эпиграмма на Надеждина («Надеясь на мое презренье») и черновик стихотворения «Был и я среди донцов».

Последовательность появлений всех этих записей разобрана нами в готовящейся к печати статье «Рабочая тетрадь Пушкина № 841. (История заполнения)». Особенно примечательно соседство цифровой записи с эпиграммой на Надеждина. Приехав во Владикавказ по пути из Арзрума, Пушкин прочитал критику Надеждина на «Полтаву». В «Путешествии в Арзрум» он так вспоминает об этом: «У Пуцина на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пуцин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомысловым этой маленькой комедии. Требование Пуцина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца».

Хотя Пушкин и пишет, что «досада», вызванная критикой Надеждина, «совершенно исчезла», он не преминул ответить Надеждину эпиграммами. В тетради находим три эпиграммы на Надеждина: уже упомянутую «Надеясь на мое презренье», кроме того, «притчу» «Сапожник» и черновой набросок «В журнал совсем не европейский». Все они записаны с обратного конца тетради (именно здесь размещались стихи, которые Пушкин сочинял во время путешествия). Примечательно, что все три эпиграммы расположены в тетради до привлечшей наше внимание цифровой записи, то есть написаны до нее.

Что может означать эта запись? Нам кажется, что объяснение ее содержат воспоминания М. И. Пушина. Отправляясь из Владикавказа на воды, Пушин взял с собой Пушкина и известного бретера и игрока Р. И. Дорохова. Оба дали ему слово «во все время следования <...> в товариществе до вод в карты между собою не играть».¹ Условие было выполнено. Однако в Пятигорске Пушкин познакомился с неким офицером Павловского полка Астафьевым. Эпизод с Астафьевым, со слов Пушина, закончился следующим образом: «Более недели, — пишет Пушин, — Пушкин и Дорохов не являлись в Кисловодске, наконец приехали вместе, оба продувшиеся до копейки. Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им у Раевского на дорогу». Дальше Пушин пишет, что ему пришлось снабдить поэта деньгами на путевые издержки.²

Подсчеты на л. 122 в сумме дают без малого тысячу. Можно с уверенностью сказать, что, записывая колонку цифр, Пушкин подводил итог своего долга Астафьеву. Это значит, что запись сделана во время пребывания поэта в Пятигорске (или в первые дни после приезда в Кисловодск), то есть в начале двадцатых чисел августа (из Тифлиса Пушкин выехал 6 августа, 10-го или 11-го встретился с Пушиным во Владикавказе, 15-го или 16-го они приехали в Пятигорск и в начале 20-х чисел Пушкин, уже без денег, появился в Кисловодске).

Расположение записи карточного проигрыша Астафьеву является несомненно вехой, отделяющей кавказские записи от последующих обращений к тетради уже в Москве, и играет немалую роль в истории заполнения тетради ПД 841. Запись позволяет уточнить датировку эпиграмм (10-е — начало 20-х чисел августа 1829 г.).

Еще одна «приходо-расходная» запись Пушкина в тетради ПД

841 опубликована (неточно) в РП (С. 360) с примечанием: «смысл подсчетов неясен».

Выглядит эта запись так:

3 окт.	
1650	Кор <?>
3[900]	Ки <?>
4650	
2500	
7150	
9300	
1500	
10800	
7150	
3650	

3 октября в Москве Пушкин работал над главой «Странствие» «Евгения Онегина». Закончив на л. 118 строфу <11> он сверху следующей страницы (на л. 117об.) написал дату «3 окт.», ниже справа поставил изящную фигурную виньетку — обычный знак окончания какого-то этапа в работе; а слева тем же размашистым почерком, которым писались строфы романа, записал:

1600 Кор <?>
3900 Ки <?>

В этой записи у слов, которые стоят рядом с цифрами, четко прочитываются только первые слоги. Затем верхнюю цифру Пушкин меняет на «1650» (зачеркивает последние два нуля, чтобы вместо них написать «50», но, ошибаясь, снова пишет «00» и потом уже первый ноль исправляет на пятерку). Во второй записи зачеркивает «900». Сумма оставшихся цифр равняется «4650». Эту сумму мы находим в записи, расположенной во второй колонке. К ней прибавляется «2500», что в сумме дает «7150». Цифру «7150», в свою очередь, мы видим в третьей колонке. Она вычитается из «10 800».

В РП слова, которыми сопровождается первая запись, предположительно расшифровываются как «Коробки» и «Книги». Однако трудно представить ситуацию, в которой Пушкину могло бы понадобиться 1650 коробок или 1650 рублей на какие-то короб-

ки. Подсчеты эти, конечно, денежные. Можно предположить, что сперва суммируются долги, а потом сумма долгов вычитается из денег, имеющихся в наличии.

У вернувшегося в Москву из поездки в Арзрум Пушкина деньги были. В конце мая (поэт в это время был уже на Кавказе) в Петербурге вышла первая часть «Стихотворений Александра Пушкина», а 1 июня «Московские ведомости» сообщили об их продаже в Москве.³

Кому же мог быть должен Пушкин сумму, которая почти уничтожила всю его наличность? В черновиках «Путешествия Онегина» находим строки: «Вокруг него гремят стаканы, мелькают карты». Эти строки записаны на полях л. 119 Арзрумской тетради рядом со строфой <8> «Странствия», в которой рассказывается о пребывании Онегина в Москве. Строфа <8> писалась в Москве 3 октября 1829 г. (дата поставлена Пушкиным сразу после строфы <11>), но приписка на полях о стаканах и картах сделана позже — другими чернилами и другим пером. Этими чернилами и пером поэт пользовался в Павловском (или в Малинниках), когда писал «кавказские» строфы «Странствия» (строфы <12>—<17> на л. 117об.—116, 113—112 тетради). Поэт явно раздумывал, чем занять Онегина в Москве — отправить ли его разглядывать памятники русской славы или посадить за карточный стол.

В «московских» строфах отразились эпизоды жизни самого Пушкина — это вокруг него «гремели стаканы» и «мелькали карты», о нем «слагали стихи» и его же «производили в женихи».

Если цифровые колонки являются денежными подсчетами, то неразобранные слова в первой колонке цифр могут быть только фамилиями (отметим, что оба начальных «К» — прописные, то есть, скорее, относятся к именам, чем к предметам). Из московских знакомых, с которыми Пушкин мог сесть за карточный стол и чья фамилия начиналась бы на «Кор», мы знаем только Корниолина-Пинского (так писал Пушкин), или Карниолина-Пинского. В письмах Пушкина Карниолин-Пинский упоминается всего один раз. 3 августа 1831 г. Пушкин пишет Нащокину: «На днях послал я к тебе Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка, Павел Воинович, получил ли все исправно, да еще покорнейшая просьба: узнай у Короткого, сколько должен я в Ломбард процентов за 40 000 займа? И когда срок к уплате? Пошел ли в дело Дороховский вексель и здоров ли Корниолин-Пинский?»

Контекст этого единственного упоминания примечателен. Вопрос о здоровье Пинского ставится не только рядом, но и в одном предложении с «дороховским векселем», то есть он тесно связан с денежными расчетами. «Дороховский вексель», как отмечено Л. Б. Модзалевским, — «вероятно, вексель, выданный Пушкину <...> Дороховым при расчете по карточной игре».⁴ Повидимому, Карниолин-Пинский мало известен азартным игрокам, каким, например, был Нащокин, поэтому последний в ответном письме простодушно удивляется: «Корниол Пиньский здоров. Я его на улице встретил; зачем тебе его».

Вторая фамилия может быть прочитана как «Киселев». С. Д. Киселев — московский приятель Пушкина, частый гость сестер Ушаковых, жених, потом муж младшей — Елизаветы Николаевны. Мы не знаем (так же как в случае с Карниолиным-Пинским), был ли он любителем карточной игры или нет, но можно предположить, что какие-то денежные расчеты с Пушкиным у него были. Вскоре после возвращения в Петербург, 15 ноября 1829 г., Пушкин пишет ему: «На днях приехал я в П<етер>Б<ург>, о чем и даю тебе знать, ибо может быть твой поверенный приятель был уже здесь без меня. Адрес мой у Демута».

Если наше предположение верно и в первой записи имеются в виду Карниолин и Киселев, то из приведенных писем очевидно, что Пушкин со своими долгами еще не расплатился. Это подтверждает и сама запись. Первые две строки сделаны в Москве 3 октября, а следующие колонки цифр записаны уже в Старицком уезде. Мы видели, что одновременно Пушкин дописывал «московские» строфы «Онегина», вводя в них дружеские попойки и карточную игру. И не пришла ли ему мысль посадить Онегина за карточный стол в то время, когда он заканчивал приведенную нами цифровую выкладку?

¹ Пущин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 94.

² Там же. С. 95.

³ См.: Синявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати. 1814–1837. М., 1938. С. 66.

⁴ Пушкин. Письма. М.; Л., 1935. Т. 3 (1831–1833). С. 373.

6. Имена

На л. 47об. Лицейской тетради (ПД 829) Пушкин выводит в зеркальном отражении:

то есть Оля. Возможно, это воспоминание о «жрице любви» Ольге Массон. Ей в 1819 г. он напишет послание «Ольга, крестница Киприды...», она же упоминается («Чтоб желанием горя, / Оля вблизи меня дремала») в стихотворении «Веселый пир» (черновик на л. 54). На л. 92 имеется еще одна помета, относящаяся к ней:
cher Olenka.

Неоднократно в автографах Пушкина мелькает фамилия его лицейского наставника профессора Н. Ф. Кошанского. Впервые мы находим ее в черновике гимна «Боже, Царя храни», который был заказан Пушкину для празднования пятой годовщины основания Лицея. Трижды в этом черновике Пушкин расписывается: «Кошанский» (ПД 16).

Возникновение такой пометы вполне объясняется официальным письмом лицеиста Пушкина от 28 декабря 1815 г. (первое в эпистолярии поэта) директору Департамента народного просвещения И. И. Мартынову:

«Милостивый государь Иван Иванович!

Вашему превосходительству угодно было, чтобы я написал пьесу на проезд государя Императора; исполняю ваше повеление...»

В автографе этого письма (ПД 423) поправки рукой Кошанского.

Не вызывает сомнения, что такого рода поручения юному Пушкину отдавались под ответственность наставника, следившего за поэтическими опытами лицеистов. Поэтому не вызывает удивления появление стилизованной росписи Кошанского в автографах и более поздних пушкинских стихотворений, которые отзывались «уроками Кошанского»: «Царское Село» (ПД 25) и послание Денису Давыдову 1821 г. (ПД 831, л. 31) (см.: Фомичев С. Новые тексты стихотворений А. С. Пушкина. Неизданный Пушкин. Вып. 1. СПб., 1996. С. 23–24, 27).

Несколько иной смысл имеет повторенная подпись лицейского профессора на л. 53 Лицейской тетради. Рисуя здесь изображения Тритона и Сирены, Пушкин следует лекциям Кошанского, преподававшего античную мифологию и литературу (см.: Фомичев С. А. Предисловие // Рисунки А. С. Пушкина. СПб., 1993. С. 30).

7. Дата в автографе «Пира во время чумы»

Рукописи Пушкина пестрят датами. Иногда ставится не просто число, но и время суток, вплоть до минут; так, беловой автограф «Домика в Коломне» (ПД 915) подытожен пометой:

Болдино 1830

9 окт. <ября> 5 3/4 ч. <аса> в. <ечера>

Нередко в пушкинских датах проступает особый свет.

Последняя глава «Капитанской дочки» (ПД 1056) в беловом автографе датирована «19 окт. 1836». Возможно, именно в этот день она и была закончена. Но когда мы находим ту же дату в журнальной публикации романа («Современник», т. 4), да еще заменяющую авторскую подпись (произведение было здесь напечатано анонимно), то понимаем ее затаенный смысл: напоминание о двадцатипятилетней годовщине Лицея. Для обычного читателя журнала дата была сухой календарной вехой, для лицейских же — приветом друга. И для них в эпитафии к роману «Береги честь смолоду» внятно звучала мелодия «Прощальной песни» на слова Дельвига:

Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой!
То ж к правде вечное стремленье,
Ту ж ко трудам живую кровь!
В несчастье — гордое терпенье
И в счастье — все равно любовь.

Да, Пушкин часто датировал в рукописях свои произведения. Но ведь не все же из них... Возможно, даты, им проставленные, имели некое биографическое значение. Как, например, в одном из болдинских автографов, о котором далее и пойдет речь.

«Пир во время чумы» — последнее из произведений, написанных во время Болдинской осени 1830 г. Как известно, эта пьеса — довольно точный перевод одной из сцен пьесы Джона Вильсона «Чумный город». Беловой автограф «Пира во время чумы» помечен датой «ноября 8», причем «8» было исправлено из «6». Две эти даты соотносятся с болдинскими обычаями.

Один из рассказов о Пушкине болдинского старожила Ивана Васильевича Киреева¹ назван «День печали в селе Болдино»:

«По рассказам стариков, доживших до наших дней, Александр Сергеевич любил смотреть похоронные обряды, слушать пригово-

ры. В церковь и из церкви покойника несли мимо барского дома, за гробом шли родные с печальными приговорами о прошедшей и настоящей горькой жизни, об оставленных покойниками малолетних детях. В приговорах о женщине пели, как жила подневольным браком, померла невольной смертью, как безотрадно прошла ее молодость. Приговоры доносились до рабочего кабинета Александра Сергеевича. Он, услышав похоронные приговоры, оставлял работу, выходил к церкви, куда вносили гроб. В церкви несколько раз бывал при отпевании. В день общего поминовения — ежегодно 5 ноября — по обычаю приходят в церковь по одному человеку от дома, в черных самотканых зипунах, в белых платках. Поп отслужит обедню, потом идет на кладбище и у центрального кладбищенского креста служит общую панихиду. После нее люди расходятся на могилы своих родных и там ожидают попа, чтобы он отслужил панихиду у каждой могилы.

Александр Сергеевич Пушкин приходил на кладбище, стоял у креста и наблюдал за народом, слушал печальные приговоры, а около него стояли нищие старушки, старики, слепцы с пением жалостливых стихов, в ожидании подаяния. По окончании одной службы народ и нищие стали расходиться, а церковный сторож подошел убрать стол. У Александра Сергеевича, видимо, не хватило терпения, он достал бумагу и на этом столе стал что-то писать. Не эти ли стихи записал он на церковном столе?

Стою печален на кладбище,
Гляжу кругом: обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено...²

Последняя деталь рассказа, по-видимому, — не более чем апокриф, так как стихотворение «Стою печален на кладбище» относится к 1834 г., когда Пушкин покинет Болдино задолго до дня поминовения. Но сам печальный болдинский обряд поэт, несомненно, наблюдал в 1830 г., 5 ноября.

На следующий день, приступив к переводу вильсоновской сцены, он находился под впечатлением печального обычая:

Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я на кладбище...

Исправление же даты в беловом автографе «Пира во время чумы» тоже можно объяснить болдинскими впечатлениями.

Описывая «день веселья в селе Болдино», И. В. Киреев вспоминал:

«Ежегодно болдинцы праздновали день Михаила Архангела. Это храмовый праздник. К празднику все население — богатые и бедные — варили брагу и пива на поташных заводах <...>.

Каждый мужик, если задумает женить сына или выдать дочь замуж, свадьбу должен устроить на Михайлов день, 8 ноября по старому стилю <...>.

В этот день со всего селения и из других, которые входили в приход болдинской церкви, венчали до 20 пар. Продолжалось венчание с утра до ночи. Лошадей у церкви собиралось до ста пар, украшенных кто как придумает, например, маленькими колокольчиками, прикрепленными к дугам, отчего получался веселый и оглушительный звон. Молодежи собиралось до 200 человек смотреть венчание.

Во время одного из своих приездов в Болдино Пушкин попал на Михайлов день.

В день праздника Александр Сергеевич с утра до ночи находился среди народа, смотрел, как из церкви выводят молодых, слушал разные разговоры.

В следующие дни Александр Сергеевич всходил на колокольню, чтобы сверху видеть, как веселится все село»¹.

Насколько буйным было это веселье, можно догадываться по количеству приготовленного загодя питья: «Из одного пуда ржаной муки выходило пять ведер пива. Несколько семей сговаривались на одну вару, а вара составляла 15 пудов муки»².

Не этот ли контраст между недавним днем печали и безудержным пьяным разгулом в селе, оцепленном холерными карантинами, вызвал исправление даты в беловом автографе «Пира во время чумы»?³

¹ И. В. Киреев (1882–1973) был внуком П. А. Киреева (1806–1844), болдинского дворового, конторщика.

² Предания и песни болдинской старины. Горький, 1972. С. 32.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же.

8. Помета в автографе стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...»

17 окт. 1830

предч. разб. ст.

Помета в верхней части (слева от текста) белого автографа стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» имеет к настоящему времени несколько трактовок в пушкиноведческой литературе.

У. Викери предложил читать сокращенные слова как «предчувствую (ет) разбитие столицы», соотнося их с первыми строками стихотворения, то есть толкуя помету как предчувствие поэта о падении Стамбула.

Ему возражала Р. Е. Теребенина, давая варианты других, возможных, по ее мнению, расшифровок.¹

Я. Л. Левкович читает сокращенные слова иначе:

Проз<аи>ч.<еский?> разб.<ор> ст.<атей>

и толкует их как отражение замысла пушкинских антикритик, которые пишутся в Болдине.² В. С. Листов, не пытаясь объяснить сокращенные слова, трактует дату перед ними как память о пророке Осии, которому был посвящен этот день в церковном календаре.³ Совершенно фантастическую догадку в связи с этой пометой высказал А. Лацис, попытавшись найти здесь ключ к «расшифровке» сожженной десятой главы «Евгения Онегина».

Нам представляется, что У. Викери, в общем, правильно воспроизводит сокращенные слова, но неверно их толкует. Если мысль о неизбежном падении Стамбула достаточно отчетливо выражена в самом тексте произведения, то зачем было бы нужно дублировать ее еще и пометой, вписанной позже? Иное дело, если в помете имеется в виду другая, российская столица («предчувствие: разбитая столица»). То есть помета в таком истолковании имеет ретроспективный смысл.

В первом письме из последекабрьского Петербурга, адресованном П. А. Осиповой (не позже 10 июля 1827 г.), Пушкин писал: «...что же мне вам сказать, сударыня, о пребывании моем в Москве и о моем приезде в Петербург — пошлость и глупость наших столиц равны, хотя и различны, и так как я притязаю на беспристрастие, то скажу, что, если бы мне дали выбирать между обеими,

я выбрал бы Тригорское, — почти как Арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным? — отвечает: я предпочитаю молочный суп» (подлинник по-французски).

«Колесованным» — Москва, Иван Грозный (Арлекину такая казнь даже неведома); «повешенным» — Петербург, Николай I. И вместе с тем это «родная Турция», Стамбул (ср. в письме к С. И. Тургеневу от 21 августа 1821 г.: «Поздравляю вас, почтенный Сергей Иванович, с благополучным прибытием из Турции чужой в Турцию родную»).

О том, насколько остро в пушкинском кругу ощущался оскверненный картечным расстрелом и виселицами Петербург, можно судить и по письму Вяземского жене от 20 июля 1826 г.: «Как герой романа Потоцкого, который где бы ни был, что бы ни делал, а все просыпался под виселицами, так и я: о чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а все прибывает меня невольно и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место»⁴.

Понятно и то, почему в Болдине вспоминает Пушкин свой вторичный, после ссылки, приезд в столицу 17 октября 1827 г.: накануне, на станции Заазы, он неожиданно встретился со старым лицейским товарищем, В. К. Кюхельбекером, препровождаемым жандармом в Динабургскую крепость, — об этом сохранилась пушкинская дневниковая запись.

¹ ВПК. 1977. Л., 1980. С. 91–101.

² См.: Пушкин А. С. Дневники. Записки. Л., 1995. С. 256–267.

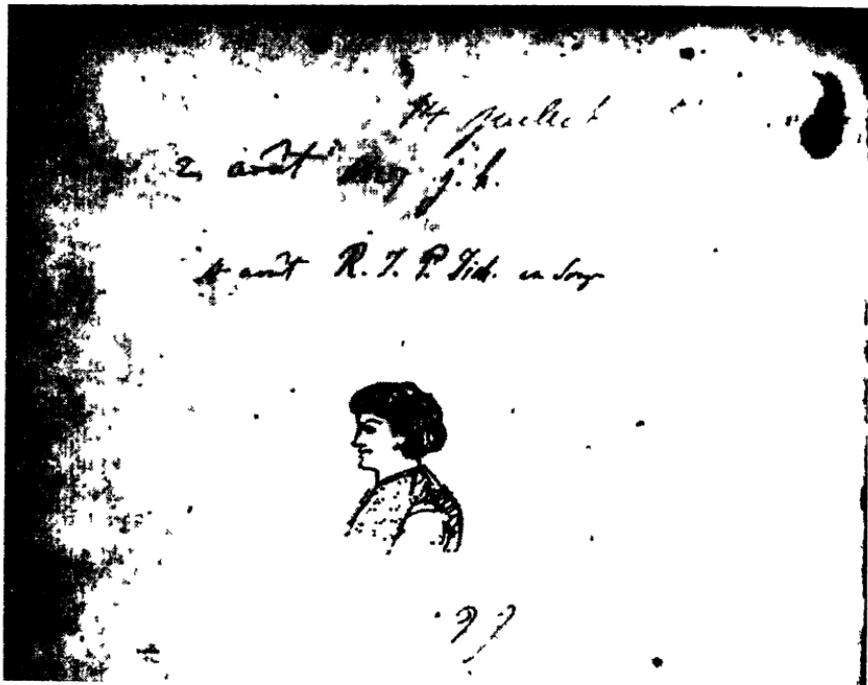
³ Листов В. С. К истолкованию стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» // Пушкин и русская культура: Доклады на международной конференции в Новгороде 26–29 мая 1996 г. СПб.; Новгород, 1996. С. 56–59.

⁴ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 54–55.

9. Помета, датированная 14 июля 1826 г.

Короткая пушкинская помета дневникового характера на заднем форзаце (л. 88) Третьей кишиневской тетради (ГД 833) в последнее время привлекла к себе внимание широкого круга исследователей: историков, журналистов, литературоведов.

Предметом полемики, по сути дела, стало одно слово рядом с французской датой «14 juillet 1826». Запись сделана настолько бледными, сильно разбавленными чернилами, что при беглом просмотре тетради почти не заметна. Трудность ее прочтения обусловлена, однако, не слабой консистенцией чернил, а бурным пятном, которое залило слово, следующее за датой. Отчетливо читаются только первые две буквы. Конечный росчерк свидетельствует о незаконченности слова.

Тетрадь ПД 833 заполнялась Пушкиным с двух сторон (это характерная особенность обращения поэта с рабочими тетрадями), и если перевернуть ее верхом вниз, то л. 88 окажется в самом начале, а загадочная помета — в его правом верхнем углу. Ниже другими, темными чернилами и тонко заточенным пером Пушкин записал две фразы на французском языке:

«2 august 1827 j. h.
4 august R. J. P. Jich. en songe».

По аналогии с другими пушкинскими пометами они расшифровываются следующим образом: «2 августа 1827 день счастливый. 4 августа Рылеев, Жанно, Пестель, Жихарев во сне». В центре листа теми же темными чернилами Пушкин набросал профиль молодого человека с густой шапкой волос. Р. В. Иезуитова предположила, что «поэт попытался "вспомнить" облик Жанно <И. И. Пушкина> в его молодые лицейские годы»¹.

Между л. 88 и последующими четырьмя листами (87об.—84), где Пушкин конспективно изложил содержание «Беральда принца Савойского»², вырвано не менее восьми листов. По мнению Я. Л. Левкович, «это явный след "чистки" поэтом своего архива, которую он начал в середине апреля 1826 г. и продолжал до половины августа, уничтожая записки, черновые наброски к ним и другие "крамольные" записи»³.

Запись «14 juillet» впервые опубликовал Е. И. Якушкин. Он не смог разобрать слово, закрытое пятном, и ограничился только датой.⁴

Последующие попытки вычислить загадочное слово складывались следующим образом.

1. Gon[zaga] или Gon[zago]

Через пятьдесят лет после Е. И. Якушкина М. А. Цявловский предложил читать пушкинскую запись как «фамилию португальско-бразильского поэта, стихотворение которого ("Там звезда зари взошла") перевел Пушкин»⁵.

Понимая зыбкость своей гипотезы, М. А. Цявловский не стал настаивать на однозначном прочтении и в примечании уточнил, что «первую букву можно прочесть и как G, и как Z, и как Q»⁶. Это звучало приглашением к дальнейшему поиску. Но понадобилось еще полвека, прежде чем возник альтернативный вариант прочтения.

2. Go[loday]

Историк Г. А. Невелев обратил внимание на совпадение французской даты «14 juillet» в записи Пушкина с днем захоронения казненных декабристов. Разделяя мнение А. А. Ахматовой, что

местом их погребения стал «остров Голодай, то есть северная оконечность Васильевского острова, отделенная от всего массива узкой речкой Смоленкой»⁷, Невелев пришел к выводу, что пушкинская помета является «указанием даты и места захоронения казенных декабристов»⁸. В качестве текстологического обоснования своей догадки исследователь сослался на одинаковое количество букв в названии острова и фамилии бразильского поэта, а также на совпадение последней буквы (росчерка) «с начертанием буквы У»⁹.

3. Gonar[opulo]

А. Ю. Чернов счел гипотезу Г. А. Невелева «текстологически некорректной, но исторически пронизательной»¹⁰. Поправив историка, который перепутал карандаш с чернилами, а масляное пятно принял за чернильное¹¹, Чернов признал правоту его основной идеи: «симпатическая» запись на л. 88 «действительно указывает на место захоронения казенных декабристов»¹². Но не на тот остров, о котором писали А. А. Ахматова и Г. А. Невелев, а на «входящий в состав Голодая совсем крохотный островок в северной его части — остров Гонаропуло.» Название этого островка впервые появилось на топографическом плане Санкт-Петербурга 1828 г.

«Недописанное и законченное росчерком слово» в тетради ПД 833 А. Ю. Чернов предложил читать «как Gonar...»¹³.

За подтверждением своего прочтения пушкинской записи исследователь обратился в Лабораторию консервации и реставрации документов АН СССР (ЛКРД), где Д. П. Эрастов и Л. Г. Мазунова произвели фотографирование всей записи и отдельных ее фрагментов в ультрафиолетовых лучах. В связи с тем, что пятно не удалось ослабить до необходимого для прочтения состояния, фотографии были направлены на экспертизу во Всесоюзный научно-криминалистический центр. Эксперт М. Н. Сосенушкина в осторожной форме подтвердила, «что выявленные штрихи последнего слова текста на французском языке "14 juillet 1826 Go..." вероятнее всего составляют запись "Gonar", предложенную А. Ю. Черновым». Решить вопрос в категоричной форме, по мнению эксперта, можно только в случае представления на исследование оригинала документа, а не его фотокопии. (Справка по исследованию № 1925 от 25 декабря 1989 г.)

4. Go[uverneur]

Вслед за А. Ю. Черновым предложила свое прочтение Я. Л. Левкович. Третью букву она читает как «и», а в четвертой усматривает сходство с латинской буквой «v». Таким образом, на свет появляется «gouverneur» (губернатор), а именно Б. А. фон Адеркас, псковский губернатор, осуществлявший надзор над ссыльным поэтом. Пушкин обращался к нему за содействием, стремясь выехать из Михайловского «в Москву, или в Петербург, или в чужие края» под предлогом лечения «аневризма». По мнению исследователя, именно 14 июля 1825 г. Пушкин «получил долгожданное извещение от "губернатора", что он может быть официально освидетельствован во Врачебной управе и может написать официальное ходатайство»¹⁴.

Все четыре варианта прочтения пушкинской записи были отвергнуты в текстологической статье В. Д. Рака.

В результате скрупулезного обследования большого количества пушкинских рукописей исследователь установил, что во всех вариантах написания заглавной буквы «G» «перо неизменно двигалось против часовой стрелки». Иначе была написана заглавная буква в слове, стоящем рядом с датой «14 juillet»: «вычеркивая первый элемент буквы, незамкнутый "кружок", перо сделало маленький "завиток" по часовой стрелке, прошло в том же направлении вверх, а после закругления — вниз, перейдя затем без отрыва от бумаги к "палочке" с соединительным штрихом». Так исследователь пришел к выводу: «ни одно из чтений слова, написанного после даты "14 juillet" не подтверждается анализом его начертания, и начинается оно не с буквы "G". Так, как написана заглавная буква в этом слове, Пушкин писал букву "Z" в словах: "Zavod", "Tzarskoe", "Zoubkof"»¹⁵.

Таким образом, графическое исследование В. Д. Рака поставило под сомнение все предшествующие варианты прочтения пушкинской записи, в том числе и эффектную гипотезу Невелева—Чернова, подкрепленную, к тому же экспертизой Всесоюзного научно-криминалистического центра. Взамен В. Д. Рак предложил приступить к поиску слова, начинающегося на сей раз с буквы «Z».

Идея читать слово рядом с датой «14 juillet» как фамилию московского приятеля Пушкина В. П. Зубкова возникла у автора данной публикации независимо от исследования В. Д. Рака. Толчком к такому прочтению стало письмо Пушкина к Зубкову от 1 декабря 1826 г., где фамилия адресата (это единственный случай в рукописях поэта) написана на французском языке (ПД 476). Графическое изображение этой фамилии заставило вспомнить загадочную помету в Третьей кишиневской тетради. Сопоставление двух слов свидетельствовало о несомненной схожести в написании заглавных букв (различие наблюдается только в нижней петле: в одном случае она направлена во внутреннюю сторону, в другом — сразу делает изгиб к следующей букве. Так Пушкин писал заглавную букву, начиная стихотворение «Зачем безвременную скуку» (ПД 999), и строчную букву в слове «Tzarsкое») и полной идентичности второй и третьей букв (на фотографии, сделанной Д. П. Эрастовым в ЛКРД, третья буква «u» просматривается довольно четко). Следующая, четвертая, буква полностью закрыта пятном и не читается даже в ультрафиолетовых лучах. Она здесь как камень преткновения. Каждый, кто пытается прочесть пушкинскую запись, видит ее по-разному: как «s» (М. А. Цявловский), как «a» (А. Ю. Чернов), как «v» (Я. Л. Левкович). На наш взгляд, это латинская буква «b», верхняя петля которой чуть-чуть выглядывает из-под пятна. Сразу после этой буквы начинается росчерк. Сокращенное написание фамилии «Зубков» однажды встречается у Пушкина, но на русском языке. Под черновым автографом стихотворения «Стансы» («В надежде славы и добра...»), написанного в доме Зубкова, Пушкин записал: «22 декабря. 1826 году. Москва у Зуб» (ПД 86). Русское написание фамилии «Зубков» встречается в четырех письмах Пушкина: С. А. Соболевскому от (1 декабря 1826 г.) (ПД 1343) и от 3 июня <1828> (ПД 1361), П. А. Вяземскому <вторая половина марта 1830 г.> (ПД 1378), П. В. Нащокину от 21 июля <1831> (ПД 1435). Какое же отношение имел московский приятель Пушкина к дате 14 июля 1826 г.? И почему поэт так не хотел, чтобы его фамилия была прочитана?

Василий Петрович Зубков — по словам П. И. Бартенева — «заметное лицо в тогдашнем московском обществе»¹⁶. Биография его до 1825 г. удивительно напоминает биографию Жанно Пушина. Почти его ровесник (Зубков, как и Пушкин, родился в

мае 1799 г.), он в чине подпоручика неожиданно вышел в отставку. Прослужив некоторое время в Коллегии иностранных дел и при московском генерал-губернаторе Д. В. Голицыне, Зубков в августе 1824 г. стал советником Московской палаты гражданского суда. Вспомним, что годом раньше гвардии поручик И. И. Пушкин также перешел в гражданскую службу, чтобы стать судьей Московского надворного суда. Неудивительно, что молодые люди познакомились и близко сошлись. Вместе с Пушкиным Зубков входил в «Общество Семисторонней, или Семиугольной, звезды». 9 января 1826 г. Зубков был арестован по делу декабристов, доставлен в Петербург на главную гауптвахту, а затем с 12-го по 22 января содержался в одиночной камере Петропавловской крепости. В соседней камере находились А. И. Якубович и кн. А. П. Барятинский, с которыми Зубков имел возможность общаться по-французски. Согласно заключению комиссии, «оказался не принадлежавшим к обществу и не знавшим о существовании оно́го».

По высочайшему повелению он был освобожден с оправдательным аттестатом и вскоре написал «Записки» на французском языке¹⁷.

Пушкин познакомился с Зубковым в Москве в сентябре—октябре 1826 г. В это время Зубков вышел в отставку и около трех лет нигде не служил. По свидетельству П. И. Бартенева, Пушкин «проводил беспрестанно время у Зубкова»¹⁸. О близости их отношений известно также из «Заметок» В. Ф. Щербакова.¹⁹ В доме Зубкова Пушкин познакомился с его свояченицей Софьей Федоровной Пушкиной и вскоре сделал ей предложение. «Я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь»²⁰, — писал он Зубкову, принимавшему живое участие в этом событии.

У Зубкова хранились автографы стихотворений Пушкина: «Ответ Ф. Т.» («Нет, не черкешенка она...») (ПД 897) и «Зачем безвременную скуку...» (ПД 808), а также листок с портретами П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. П. Трубецкого (ПД 808). Аннотация на этом листе «Tout cela a йтй dessинй par Pouchkine», согласно догадке Т. Г. Цявловской, принадлежит Зубкову.²¹ Пушкин, безусловно, читал «Записки» Зубкова, которые тут же дополнялись живыми рассказами узника Петропавловской крепости о суде над декабристами. В конце «Записок» есть многозначительная фраза: «Я желал бы сообщить вам, что случилось со дня смерти Императора до конца процесса; я подожду этого конца...».²² Именно Зубков, близкий к московскому генерал-

губернатору Д. В. Голицыну, мог узнать дату захоронения декабристов и сообщить ее Пушкину. Во время короткого пребывания в Михайловском в первой половине ноября 1826 г. Пушкин записал эту дату, а рядом — источник ее на заднем форзаце Третьей кишиневской тетради. Сочетание даты с фамилией встречается среди пушкинских помет в его рабочих тетрадях. Например, «31 mars Harting» или «4 июня ночью. 5 июня поутру. Дегилье»²³. Но по своему значению запись в ПД 833 уникальна. Любопытная деталь: в своих «Записках» Зубков описывает эпизод, когда он, ответив на все вопросы Тайного комитета, собирался запечатать сургучом конверт с вопросным листом и своими ответами. «В этот момент, — пишет Зубков, — я неосторожно пролил масло на бумагу»²⁴. Возможно, Пушкин впоследствии, не желая подвергать своего приятеля риску, вспомнил этот жест и повторил его с рабочей тетрадью.

¹ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 833 (история заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 15. СПб., 1995. С. 259.

² «Beralde prince de Savoie» опубликован в сборнике «Bibliothèque de campagne ou Amusements de l'esprit et du coeur», tome septième. Bruxelles, 1785 («Сельская библиотека, или развлечения ума и сердца». Т. 7. Брюссель, 1785). Пушкин пользовался книгой из библиотеки с. Тригорского. А. Н. Вульф видел ее среди других книг на его рабочем столе в Михайловском 15 сентября 1827 г. (см.: Майков Л. Н. Пушкин. СПб., 1899. С. 170).

³ Левкович Я. Л. «Гоноропуло» или «Губернатор» // ВПК. Вып. 26. СПб., 1995. С. 213.

⁴ Якушкин Е. И. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Рус. старина. 1884. Май. С. 353.

⁵ РП. С. 307.

⁶ Там же.

⁷ Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки. М., 1989. С. 157.

⁸ Невелев Г. А. Истина сильнее царя (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 143.

⁹ Там же.

¹⁰ Чернов А. Ю. «Симпатическая запись в ПД 833» // ВПК. Вып. 26. СПб., 1995. С. 222.

¹¹ Это объясняется тем, что Г. А. Невелев работал с фотокопией, не передающей цветовые качества оригинала.

¹² Чернов А. Ю. «Симпатическая запись в ПД 833». С. 222.

¹³ Там же. С. 222.

¹⁴ Левкович Я. Л. «Гоноропуло» или «Губернатор». С. 213–215.

¹⁵ Раак В. Д. Запись «14 juillet 1826 ZO...<?>» // ВПК. Вып. 27. СПб., 1996. С. 146–151.

¹⁶ П. И. Бартенев о Пушкине. М., 1992. С. 281.

¹⁷ «Записки Василия Петровича Зубкова о заключении в Петропавловскую крепость по делу 14 декабря 1825 г. Опубликовал с предисловием и примечаниями Б. Л. Модзалевский // Пушкин и его современники. Вып 4. СПб., 1906. С. 90–186. В том же году вышел отдельный оттиск. На русском языке «Записки» были опубликованы в кн.: Декабристы. Тайные общества. М., 1907. С. 215–244.

¹⁸ П. И. Бартенев о Пушкине. С. 281.

¹⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 36.

²⁰ Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. XIII. М.; Л., 1937. С. 311.

²¹ Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 198.

²² Декабристы. Тайные общества. С. 244.

²³ РП. С. 292.

²⁴ Декабристы. Тайные общества. С. 230.

**ПОМЕТЫ
В РАБОЧИХ ТЕТРАДЯХ ПУШКИНА,
НЕ ИМЕЮЩИЕ ТОЛКОВАНИЙ**

Рабочая тетрадь 1817–1825 гг. (Лицейская) ПД 829

1. Две колонки подсчетов (внутренняя сторона верхней крышки переплета):

2 133	66	133 <?>	13
12	1	40	
13		2 33 44	
12			

2. Арабеск <?>: «696» (л. 50об.).

3. Подсчеты (л. 74об.):

60*50
35
85
20**

* первоначально: 65

** первоначально: 25

4. Подсчеты (между л. 87 и л. 88 – ПД 255, л. 1):

250	7
10	8
25 10*	8**
	16

* первоначально: 1

** первоначально: 7

Рабочая тетрадь 1820–1833 гг. (Записная книжка) ПД 830

1. Помета: «9 fev. ap. <rus> <?> d <oneg> <?>» (л. 4).
2. Вычисления (л. 12об.):

35
28
7

3. Вычисления (л. 57):

300
60
180.00

4. Вычисления (л. 60об.):

50
41
90
50

5. Помета: «22 juin 1822 t.* m.» (л. 64).

* можно прочитать и как «f».

Рабочая тетрадь 1820–1833 гг. (Первая кишиневская) ПД 831

1. Вычисления (л. 46об.):

25
12
50
25
300
700
400

2. Вычисления (ПД 38):

36
90
126

Рабочая тетрадь 1821–1825 гг. (Вторая кишиневская) ПД 832

1. Цифра «12» (л. 3 е).

Рабочая тетрадь 1821–1830 гг. (Третья кишиневская) ПД 833

1. Помета дневникового характера: «veux tu m'aimer 18/19 Mai 1824 pl. v. D'» (л. 27).
2. Цифры: «[16]»; «[2000]» (л. 52об.).

Рабочая тетрадь 1822–1824 гг. (Первая масонская) ПД 834

1. Подсчет (л. 3):

40
4
160
4

2. Запись букв: «Q. S. F. O. H. » (л. 26об.).
3. Подсчеты (л. 44):

275		1*75	75
25	25		
300	25		
	50		

* первоначально: 2

Рабочая тетрадь 1824–1827 гг. (Вторая масонская) ПД 835

1. Помета: «Алика» (л. 2).
2. Помета: «Жихарев<?>» (л. 20об.).
3. Цифра: «[75]» (л. 20об.).
4. Запись татарских слов: «[Ак-мечеть]»; «[Сеюн-Бору]»; «Ак-мечеть»; «Сеюн-мирза» (л. 35).

5. Помета: «Sottise et Impertinence» (л. 52).
6. Цифра: «[34]» (л. 55об.).
7. Помета: «Monari» (л. 68).

Рабочая тетрадь 1824–1827 гг. (Третья масонская) ПД 836

1. Подсчет (л. 15):

60
12
120
60
720

Рабочая тетрадь 1828–1833 гг. (Второй альбом) ПД 838

1. Подсчеты (л. 2об.):

200 [2 | 300]<?>
200<?>
150
500

2. Цифра: «340» (л. 3).
3. Помета: «Кучер 19 февр.» (л. 6).
4. Подсчет (л. 10):

500
500
650
425
3*175
[2000]
[1000]

* первоначально: 2

5. Цифровая запись (л. 21):

[4000] [4000]
[1900]

6. Цифровая запись (л. 37):

[1400]
[350]

7. Цифровые записи (л. 47):

4 [4*00]
3 [265]
4 [20]
7
9

* первоначально: 3

8. Дата под портретом Мазепы: «1817» (л. 47).

9. Цифровая запись (л. 48об.):

[2000]
500
600

10. Подсчет (л. 60об.):

106<?>
12
94

11. Подсчет (л. 85об.):

36
10
360

12. Цифровая запись (л. 86):

[10]<?>
[21]<?>

13. Подсчет (л. 97):

[1200]
[350]
[850]

14. Подсчеты (между л. 100 и л. 101 – ПД 715):

[1500]
2400
240
6
1440

15. Подсчет (между л. 100 и л. 101 – ПД 228):

150| 480
410
890
150
750

Рабочая тетрадь 1828–1833 гг. ПД 839

1. Подсчеты (л. 68):

[15]
[2] [22500]
[16]
16300
6*200
22000
3000<?>

* первоначально: 5<?>

2. Подсчет (л. 69):

5200
9300
15*000

* первоначально: 4

3. Подсчет, запись цифр (л. 70):

16300	6
5800	7
10500	8 8
	9
	10
	11
	12
	13
	14
	15

Рабочая тетрадь 1828—1835 гг. (Записная книжка) ПД 840

1. Запись о получении денег (л. 1):

дек. 1832	полу-
500	
160	

2. Вычисления (л. 64):

73-6
16-53
51-30
140-89
78
62-89

Рабочая тетрадь 1829—1836 гг. (Первая арзрумская) ПД 841

1. Пометы: «[но рок]»; «земное»; «40» (л. 1).

2. Пометы: «[Перевод]<?>
[преобразование]
преображение» (л. 28).
3. Неразборчивая запись, покрытая штриховкой (л. 31об.).
4. Цифровые пометы (л. 80):

[18]
[30]
[6]
[180]

5. Подсчет (л. 87):

[13 000] 50
 50
 300
 500
 500

Рабочая тетрадь 1829—1833 гг. (Вторая арзрумская) ПД 842

1. Неразборчивые записи двух слов (л. 2).
2. Подсчеты (л. 23об.):

194
[250]
500
15
485
235
110
830
320
510

3. Подсчет (л. 147об.):

1200
150<?>
500
1850<?>

Дорожная записная книжка 1833 г. ПД 844

1. Подсчеты (л. 4об.):

70		20
60	900	
4200		1800

2. Денежный подсчет (л. 5):

27
5

3. Подсчет (внутренняя сторона нижней крышки переплета):

12
10
120
50
10
180

Рабочая тетрадь 1833–1836 гг. (Последняя тетрадь) ПД 846

1. Подсчет (л. 5об.):

330	[2]
225	
105	

2. Помета: «Наст<...> P|s<?>» (л. 44об.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

3

Творческие пометы

7

Биографические пометы

16

Пометы
в рабочих тетрадях Пушкина,
не имеющие толкований

60

Научное издание

Александр Владимирович Дубровский,
Татьяна Ивановна Краснобородько,
Янина Леоновна Левкович,
Сергей Александрович Фомичев

**Творческие и биографические пометы
в рукописях А. С. Пушкина**

Подписано в печать 15.11.1997

**Издательство «Нотабене»
199155, С.-Петербург, пр. КИМа, 30
Лицензия ЛР № 062907 от 4.08.1993**